

Всеобщая история

УДК 904, 94, 293.11

Сеничев В.Е.

Московский государственный областной университет

САКРАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ И ОБРАЗ ОРУЖИЯ В «ПОХИЩЕНИИ БЫКА ИЗ КУАЛЬГНЕ»

Аннотация. В статье дано описание элементов воинского культа и фактов сакрализации оружия, прослеживаемых на примере гэльской эпической традиции первого тысячелетия н.э. Образы, встречающиеся в мифе, позволяют судить о наличии культа оружия как составной части воинской традиции и кельтском обществе раннего средневековья, влияющего на поведение героев эпоса и создающего особый фон для развития воинской культуры. Анализ источника позволяет выявить архаические пласты мифологии, связывающие культ оружия древних кельтов с индоевропейским мифопоэтическим наследием и демонстрирует общность корней воинских традиций древней Европы.

Ключевые слова: раннее средневековье, кельтский эпос, мифология, культ оружия, «Tàin Bó Cúailnge».

V. Senichev

Moscow State Regional University

SACRED FUNCTION AND THE IMAGE OF WEAPON IN “TAIN BO CUAILNGE”

Abstract. The article describes the elements of a warriors' cult and the facts of weapon socialization in Gaelic epic tradition of the first millennium AD. The images presented in the myth prove the idea that the cult of weaponry was a part of a warrior's tradition in Gaelic society of the early Middle Ages. That influenced the epic heroes' behavior, and created special background for the development of military culture. The analysis of the source material allows to reveal archaic layers in mythology which connected ancient Celtic cult of weapons with Indo-European mythopoetical heritage and demonstrates the unity of military traditions in ancient Europe.

Key words: the early Middle Ages, Celtic epos, mythology, cult of weaponry, «Tàin Bó Cúailnge».

«Tàin Bó Cúailnge» или «Похищение быка из Куальгне» – ирландская героическая эпопея, сложившаяся в III-VIII вв. «Похищение» занимает

© Сеничев В.Е., 2015.

важное место не только в ирландской, но и в западноевропейской эпической традиции: его выделяет большой объем и соединение многих сюжетных линий, связывающих всех основных

участников ирландской мифологии. При этом «Похищение» – практически единственная европейская эпопея, написанная не стихами, а прозой с некоторыми поэтическими вставками.

Главный герой «Похищения», Кухулин, сын верховного бога Луга, сражающийся в одиночку против армий и героев четырех королевств Ирландии. Большая часть текста является описанием поединков, в которых одни противники героя имеют черты иномирных существ, другие – являются жителями конкретных исторических областей. Примечательно, что иномирные враги обычно разделены рекой – характерная черта мифов, повествующих о путешествии за край ойкумены. Наиболее драматичный из поединков – бой Кухулина с его названным братом Фер Диадом – закончился гибелью последнего и большим горем для самого Кухулина, который не смог противиться колдовству, вынудившему его вступить в сражение.

Королева Медб выступает в роли предводительницы войска, и ее образ сохраняет отголоски представлений о богине смерти и женщине-воине, бросившей вызов мужскому божеству. Война идет из-за волшебного Бурого Быка, который является перевоплощенным божеством и владение которым равнозначно сакральной власти. Финалом является схватка двух быков, в которой победителем оказывается Бурый Бык, а Белорогий Бык терпит поражение. Его тело разрывается на части и разбрасывается по земле, что может служить отсылкой к хтоническому мифу творения, сохранившемуся в эпосе многих не только индоевропейских народов. Архаичность сюжетов «Похищения» позволяет су-

дить о присутствии в нем глубоких мифологических пластов и мотивов, связывающих кельтские мифопоэтические воззрения I тысячелетия с индоевропейской древностью.

В тексте «Похищения» чаще всего встречается следующее описание набора оружия: меч, несколько копий для метания и щит. Этот набор почти не меняется, лишь иногда варьируется количество копий: «Взял он тогда два копья, щит да меч и затряс щитом, воздел ввысь копья, замахал мечом, и боевой клич вырвался у него из горла. Ужасен был крик Кухулина, и вторили ему духи, призраки, оборотни и демоны воздуха, а сама Немайп, богиня войны, наслала смятение на лагерь ирландцев». Это описание [2] встречается и в некоторых рифмованных вставках в тексте похищения:

*«Меч с золотой рукоятью,
Два копья, тяжелых и острых,
В руке он держал, прикрываясь
Щитом с серебряным верхом».*

Подобный набор оружия фиксирует и Юлий Цезарь в «Записках о Галльской войне» [7], при этом, описывая аналогичное снаряжение римлян довольно подробно, он упоминает о галльском оружии лишь косвенно, но тем не менее мы можем восстановить, что набор оружия континентальных кельтов первых веков нашей эры был аналогичным. Функциональная роль оружия в «Похищении» не сводится только к воинским занятиям, например, мечи в эпосе можно разделить на две категории: мечи простых воинов и мечи «легендарные». При этом мечи простых воинов описываются в нескольких словах: «Меч светлоликий с рукоятью из кости», «Изукрашенный меч с костяной рукоятью нес он на

левом боку», «с левого бока привесил боевой меч с золотой рукоятью и перекладиной красного золота» [2] (всего более 50 описаний встречается в тексте). Подобные описания должны были подсказать слушателю, знакомому с культурным контекстом времени, что за люди участвуют в событиях саги, каков их статус. Оружие, которое носит при себе человек раннего средневековья, позволяет составить о нем первичное представление: как о его достатке, так и о его заслугах, потенциальной опасности контактов с ним. В условиях раннеклассового общества оружие служило социальным маркером, обозначающим принадлежность к тем или иным слоям, группировкам, кланам.

В тексте встречаются и два особых легендарных меча — это меч по имени Орна, описанный следующим образом: «В той битве воитель Огма нашел меч Тетра, короля фоморов и назывался тот меч Орна. Обнажил Огма меч и обтер его, и тогда он поведал о всех совершенных с ним подвигах, ибо по обычаям тех времен обнаженные мечи говорили о славных деяниях. Оттого воистину по праву протирают их вынув из ножен. И еще, в эту пору держали в мечах талисманы, а с клинков вещали демоны, и все потому, что тогда поклонялись оружию люди, и было оно их защитой. О том самом мече Лох Летглас сложил песнь» [2]. По сути наблюдается не просто орудие, но и волшебный предмет, имеющий собственную историю и судьбу.

Важно отметить фразу «тогда поклонялись оружию люди, и было оно их защитой», в которой автор отсылает ко времени, вероятно, до установления современных ему религиозных представлений, когда воплощение бога-защит-

ника или бога-воина было отражено в виде меча, а особое отношение к нему имело большое значение для человека. Уместно вспомнить описание Геродотом скифского святилища Ареса, «В каждой скифской области по округам воздвигнуты святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве шириной и длинной почти в три стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка, три стороны ее отвесны, а четвертой есть доступ... почти на каждом холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса» [1, с. 202].

Такой меч сам провоцирует героя совершать особые поступки, идти на подвиги, выполнять заложенный культурой код поведения. Это можно видеть на примере второго «легендарного» меча, встречающегося в «Похищении» – Меч Лейте из сидов:

«Вот был каков меч Фергуса, меч Лейте из сидов – словно радуга светился он в воздухе, когда заносили его для удара. Фергус, между тем, приподнял свою руку и снес верхушки трех холмов, что и до сей поры стоят, напоминая об этом, на болотистой равнине. Зовутся они три Маела Миде.

Когда же услышал Кухулин удары Фергуса по Окайн Конхобуйр, то молвил:

– Скажи, друг мой Лаэг, кто посмел нанести удары по Окайну господина моего Конхобара, пока я жив?

– Это могучий меч, огромный, словно радуга, проливает кровь, возбудитель сражения» [2].

Кроме мечей, с именем собственным, а также и необычным происхождением, в «Похищении» наделены еще несколько предметов: так называемые «сокровища Народа Дану», среди ко-

торых трон, распознающий короля, и котел, в котором не кончается пища. Выделяется среди сокровищ и особое оружие: «Из Горнаса принесли они копье, которым владел Луг. Ничто не могло устоять пред ним или пред тем, в чьей руке оно было. Из Финдиаса принесли они меч Нуаду. Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уже не мог от него уклониться, и был он воистину неотразим» [2]. Копье Луга, являющееся одним из ключевых предметов эпоса, так как именно им было суждено главному герою, Кухулину, убить троих королей и самому погибнуть от него. Меч с особыми свойствами указывает на встречающийся в германских источниках мотив оружия, которое, будучи вынутым из ножен, обязательно должно пролить кровь [3].

В мире древних кельтов, подчиненном строгому следованию ритуалам и гейсам, подобные мотивы ставят перед героями эпоса сложные моральные проблемы и заставляют любого человека, живущего внутри этой культуры иметь такое же особое отношение к оружию и последствиям своих действий. О культовой роли оружия может рассказать аспект его применения не только в битве, но и в ритуалах. В «Похищении» встречается описание [2] клятвы, которую требует Фер Диал от Медб:

*«Только тех в поручители я хочу,
Кем ты клятву дашь моему мечу –
Морем, землей, солнцем, луной!»*

Важно отметить особое состояние, которое придает человеку облачение в доспехи и оружие, которое он берет в руки. Это состояние описано в эпизоде подготовки Кухулина к войне, где после одевания он преображается, начинает кусать себя,

рычать, увеличивается в размерах: «Тут в первый раз исказился Кухулин, став многоликим, ужасным, неузнаваемым, диким. Вздрогнули бедра его, словно тростник на течении, иль дерево в потоке, задрожало нутро его, каждый сустав, каждый член... Громовые удары сердца о ребра можно было принять за рычание пса или грозного льва, что напал на медведя. Факелы богинь войны, ядовитые тучи и огненные искры виднелись в воздухе и в облаках над его головой, да кипение грозного гнева, поднимавшееся над Кухулином» [4].

Такое поведение героя может свидетельствовать о том, насколько должно было меняться восприятие человека, взявшего в руки оружие, насколько такие люди, особенно ввавшие в боевую ярость, были отличны от обычных людей. Если в германском эпосе воин-берсерк представлялся скорее схожим со зверем, чем с человеком [3], то описание Кухулина детально стремится показать, насколько он превращается в существо, совершенно отличное от привычного человеческого взору. В его характеристике присутствует полное искажение человеческого облика: «обратилось лицо его в красную вмятину», а «под оболочкою кожи чудовищно выгнулось тело, так что ступни, колени и голени повернулись назад, а пятки, икры и ляжки очутились впереди». Подробность описания обращает на себя внимание и говорит о том, насколько сильно герой мифа отличается от обычного человека, насколько воин перед битвой не таков как простые люди. Это описание могло служить своеобразным заклинанием, помогающим воину ощутить себя не человеком, что должно облегчить участие в битве и убийство.

Однако после боя Кухулин решил не

показываться людям в своем военном облике и сменил его на «дивный и кроткий», в котором был всем приятен, что также отражает переход воина из одного состояния в другое – подобные обряды фиксируются в этнографических и антропологических исследованиях почти у каждого этноса в той или иной форме. Оружие меняло человека и его социальный облик в глазах древних европейцев, влияло на его личность, характер, даже внешность. Кухулин часто впадает в боевой раж и не контролирует свои поступки. Аналогично описываются в исландских сагах и берсерки. В описании Снорри Струлусона [6], Один ослеплял и оглушал неприятелей и насылал на них панику, затуплял их оружие, в то время как верные ему воины сражались без кольчуг, выли как волки и кусали свои щиты, а силой не уступали быкам. Так же указывается на их невосприимчивость к боли.

Подобное поведение порой демонстрируют и исторические кельты, описанные Титом Ливием – они бросаются в бой поодиночке, игнорируя команды вождей, стремясь к личной славе и исполнению личных амбиций, что приводило к крупным военным поражениям [8]. Схожее описание приводит и Страбон: «Все племя, теперь называемое галльским и галатским, помешано на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой; впрочем, оно простодушно и незлобиво. Поэтому в состоянии возбуждения галаты устремляются в бой открыто и без оглядки, так что тем, кто захочет применить хитрость, их легко одолеть. Кто бы, когда и где ни пожелал под любым случайным предлогом раздражить галатов, найдет их готовыми встретить опасность, хотя

бы у них не было никакой поддержки в борьбе, кроме собственной силы и отваги» [5].

Схожесть этих описаний и ситуаций позволяет связать понимание древними европейцами сути воинского труда с его влиянием на человека. Оружие, взятое в руки, преображало героя, меняло его личность и его поступки. Безмерная отвага и личная доблесть считается присущей любому воину высокого происхождения, а оружие, требующего особого ухода, должно стимулировать осознанность его поступков. В сочетании эпические произведения древности позволяют нам взглянуть не только на идеальный мир древних кельтов и германцев, но и на предостережения, которые они вписывали в свою мифологию. Часто героическое поведение становилось причиной больших бед для целого племени, что и показано в тексте «Похищения».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Геродот. История в девяти книгах. М.: Книга по требованию, 2012. 599 с.
2. Похищение быка из Куальнге / пер. Т.А. Михайловой, С.В. Шкунаева; отв. ред. Н.Я. Рыкова. М.: Наука, 1985. 496 с.
3. Сага о Хервер и Хейдрекке / пер. Т. Ермолаева // Северная слава [сайт]. – URL: <http://norse.ulver.com/src/forn/hervor/ru.html> (дата обращения: 28.05.2015 г.)
4. Саги об Уладах / пер. С.В. Шкунаева. М.: Аграф, 2004. 640 с.
5. Страбон. География. – Л.: Наука, 1964. – 938 с.
6. Струлусон С. Круг Земной. М.: Наука, 1980. 687 с.
7. Цезарь Г. История галльской войны. М.: АСТ, 2009. 400 с.
8. Энциклопедия литературных произведений / под ред. С.В. Стахорского. М.: Вагриус, 1998. 656 с.